

Игорь Пронин

Пираты⁴

Книга четвертая
ОХОТА НА ДЕЛЬФИНА

Автор идеи
Константин Рыков

АСТ

Издательство «Этногенез»
Издательство «Популярная литература»
Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

*Книга издана при поддержке
деловой газеты ВЗГЛЯД, ДНИ.РУ, RUSSIA.RU*

Пронин, И.

П81 Пираты. Книга четвертая: Охота на дельфина / Игорь Пронин — Москва :
Издательство «Этногенез» : Издательство АСТ, 2017. — 256 с.

ISBN 978-5-906338-16-7 (Издательство «Этногенез»)

ISBN 978-5-17-088925-9 (Издательство АСТ)

1650 год. Расцвет пиратства в морях Нового Света. Незученные земли, неотмеченные на картах острова, древние сокровища и морские чудовища — часть обыденной, повседневной жизни Берегового братства, возникшего в заморских колониях. Эти люди жили среди легенд, которые сами же и сочиняли, и частью которых становились. Где сказка становится былью, а выдумка — неотвратимым будущим? Почему все знают, когда вернется на Тортугу корабль, о котором толком ничего не известно? Авантюрист Диего Алонсо, столкнувшийся с этой тайной, бросил все и пересек океан, чтобы встретиться с пережившей необычайные приключения командой и капитаном Кристин Ван Дер Вельде. Но не только он искал этой встречи.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

П81

ISBN 978-5-906338-16-7 (Издательство «Этногенез»)

ISBN 978-5-17-088925-9 (Издательство АСТ)

© Рыков К., 2017

© Пронин И., 2017

© Издательство «Этногенез», 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ЧТО ТАКОЕ «ЭТНОГЕНЕЗ»?

Почему, по убеждению Артура Кларка, магия и технология неотличимы?

Почему человек начал искать пути к достижению будущего, лишь обретя прошлое?

Какими путями осуществляется развитие человечества, какие средства используются?

Как удастся простому кочевнику покорить полмира, а никому неизвестному лейтенанту-артиллеристу стать императором и кумиром миллионов?

Нищий художник-неудачник вдруг открывает в себе дар убеждения необычайной силы и взмывает к вершинам власти. Но этот дар направлен во зло, и что сумеют противопоставить ему те, кого новый вершитель судеб обрекает на смерть?

Откуда приходят в наш мир воины, политики, ученые, художники, писатели, которым суждено не просто оставить след в истории, а изменить ее ход? Жестокие диктаторы, безудержные авантюристы, фанатичные террористы и гениальные философы — чем отличаются они от обычных людей?

Возможно ли разгадать тайну их «сверхспособностей» — феноменальную память, необычайную выносливость, выдающуюся силу, а порой и просто откровенно мистические свойства?

Выдающийся историк-этнограф Лев Гумилев в поисках ответов на эти вопросы разработал теорию пассионарности, основу которой составляет идея об избыточной биохимической энергетике тех, кому суждено перевернуть мир.

Литературный сериал «Этногенез» продолжает и развивает идеи выдающихся ученых А. Кларка и Л. Гумилева. «Этногенез» — это оригинальная версия эволюции человечества, и лучшие современные авторы-фантасты представляют на суд читателей свои романы-объяснения.

Легенда гласит, что развитие человеческой расы направляет и ускоряет некая «пассионарная» энергия, существующая в виде магических артефактов — тотемных фигурок из неизвестного металла. Известно, что эти фигурки становились бесценными амулетами, попадали на гербы, делаясь родовыми знаками, и за ними велась напряженная, ни на миг не прекращающаяся охота, в которой все средства хороши.

Люди — случайные или избранные — завладев одной либо несколькими подобными фигурками, получают возможность влиять на течение собственной жизни, воздействовать на окружающих и даже на ход исторических процессов.

Человек, в зависимости от конкретного свойства фигурки, может стать бессмертным, невидимым, понимать все языки мира, проходить через стены, видеть будущее... Перед ним раскрываются захватывающие дух возможности, которые он волен использовать по своему усмотрению.

Тайна фигурок строго хранится. Но существуют «намёки», сообщающие о том, что перед нами владелец предмета. Отличительный признак — разноцветные глаза (зеленый и голубой). Именно эта особенность позволяет людям, причастным к магическим фигуркам, узнавать друг друга. Однако не все этому рады. В ход идут

всевозможные ухищрения — темные очки, контактные линзы и даже «пиратские» повязки на глаз...

Артефакт действует только при соприкосновении с телом человека. Например, если зажат в руке или висит в виде амулета под одеждой. Нелегкая судьба заставляла некоторых владельцев прятать фигурки и под кожей, и внутри тела. На любые жертвы готов порой пойти владелец, лишь бы сохранить у себя предмет, дающий преимущество над «простыми смертными».

Для беспокойства владельцев есть много причин. Одна из главных — целые сообщества людей, чья цель — сбор предметов и контроль над ними. Это так называемые Хранители. Духовные ордена, масонские ложи, криминальные группировки — любые организации могут быть для них прикрытием. Изначально благородные цели Хранителей — собирать предметы, чтобы оградить мир от потрясений, случись магическим фигуркам попасть в дурные руки — потерпели крах. Ничто человеческое оказалось не чуждо им тоже.

Для сбора предметов Хранители прибегают к помощи Охотников — людей, способных находить магические артефакты. Гениальные сыщики и отъявленные головорезы порой действуют бок о бок, выполняя задания Хранителей. Но не каждому из них, раздобыв заказанный предмет, удастся избежать искушения сделаться новым владельцем.

Действие литературного сериала «Этногенез» происходит в самых разных местах и эпохах. Скитания пещерных людей, величайшие битвы античного мира, расцветы и падения империй. Пиратские приключения в карибских водах, сражения могущественных армий, кровавые революции. Компьютерные вирусы, мировые катаклизмы, освоение глубин земли и далекого космоса — везде, где есть человек, творится История.

Для перемещения сквозь пространство и время герои используют линзы — особые порталы, история создания которых, точное количество и места расположения пока неизвестны. Линзы, как правило, охраняют таинственные существа — «хихикающие демоны».

Обычный человек, попадая в линзу, не знает, где и когда он выйдет из нее. «Управлять» линзами способны лишь Странники — люди, путешествующие во времени и пространстве с определенными целями.

Помимо людей на Земле существует раса так называемых Прозрачных — инопланетная цивилизация с собственными интересами и задачами. Как правило, они стараются находиться рядом с магическими артефактами.

Все книги проекта связаны между собой. Собранные воедино, они раскрывают перед читателем захватывающую картину человеческой истории. Как зародилась разумная жизнь, как она развивалась и есть ли у нее шанс на выживание — об этом и рассказывает «Этногенез».

ПРОЛОГ

1650 год, западное побережье Кубы

Карибские штормы коварны. Они не так могучи, как океанские, не длятся неделями и не поднимают волн, накрывающих корабль вместе с мачтами. Но они налетают совершенно неожиданно и гонят парусники к крохотным островкам, не отмеченным ни на каких картах, а то и просто к скрытым водой отмелям. Таких в Карибском море сколько угодно, и наивен капитан, который полагает, что знает эти воды. Старые моряки утверждают, что острова иногда вырастают за одну ночь и так же запросто пропадают на следующую. В этом может убедиться каждый, всего лишь сравнив старые и новые карты — как мало они похожи друг на друга! Лишь штормы, коварные карибские штормы знают, где суша, где мель, а где глубина, и гонят корабли на смерть. И корабли, вдруг с размаху налетев килем на скалы или просто сев на мель и оказавшись беззащитными под ударами невысоких, но упорных волн, погибают. В предсмертном скрипе бортов порой слышится горестное недоумение: я пересек океан! Я видел штормы пострашнее этого! Я прошел через все и доставил команду, груз и пассажиров почти до самой Гаваны, столицы Карибов, почему же именно

тут ждала меня такая бесславная гибель?! Страшно ругаются тогда капитаны, и молнии с небес вторят им, но сделать ничего нельзя. Не спасти корабль, не спасти груз, остается лишь попытаться спасти людей. Шторму это не нравится, он старается помешать спустить шлюпку, торопится изломать мачты и реи, оборвать такелаж, чтобы море вместе с кораблем получило и команду. Но если люди действуют слаженно, то надежда на спасение есть. Удивительно, но у шлюпки в такой шторм больше шансов уцелеть, чем у корабля.

Убедившись, что эту щепку на мель не посадить и на подводные скалы не забросить, шторм начинает скучать, а потом уходит искать другую добычу. Люди вычерпывают воду и спят, привалившись друг к другу, пока капитан рассматривает мокрые, расползающиеся под руками карты и думает, куда же держать курс. Обычно ему ничего не приходит в голову, потому что куда ни посмотри — море, а где после шторма оказалась шлюпка, совершенно неясно. И тогда за дело берется карибское солнце. Хорошо еще, если в суете и ужасе нашелся матрос с холодной головой и успел бросить в шлюпку бочонок с пресной водой. Тогда первые сутки проходят сравнительно спокойно. И, может быть, покажется на горизонте парус, а марсовый заметит шлюпку, с которой ему бешено размахивают привязанной к веслу рубахой. Это удача, которой в южных морях ничуть не меньше, чем штормов, солнца, золота и крови. Даже если спасенные окажутся в цепких пиратских лапах, их ждет вполне сносное существование в трюме до ближайшей плантации. Там они будут трудиться в ожидании, пока за них заплатят выкуп. Если такой надежды нет — будут работать, пока не оплатят свою свободу. В этом случае кормят хуже, следят строже, и, прямо скажем,

мало кто смог сам себя выкупить. Увы, таков закон: спасенный становится собственностью команды. Закон блюдет все Береговое Братство, а мнение европейских законников из колониальных столиц на островах мало кого заботит. В конце концов, раб может убежать, и если проявит достаточную ловкость — уйдет и от пуль, и от собак, и от аллигаторов, что поджидают его в болотистых лесах, — то заслужит всеобщее уважение.

Команде и пассажирам голландского парусника, который шторм бросил на нежданную мель совсем недалеко от Гаваны, повезло еще больше. Их спасли не пираты и даже не какой-нибудь капитан, чтущий законы Берегового Братства (а это все равно, что пират), а ловцы жемчуга, что бесстрашно пересекали морскую гладь на своих больших, длинных каноэ. Собственно, даже не спасли, а указали путь к ближайшему берегу. Почти спасенные налегли на весла шлюпки и на рассвете следующего дня увидели пустынный берег. Еще через несколько часов, донельзя усталые и голодные, они отыскивали крохотную рыбацкую деревушку, разноцветное население которой поделилось с ними своей обычной пищей: креветками. Но самым главным приобретением, конечно же, был крохотный ручеек, из которого каждый наконец-то вволю напился. Дальше все прилегли отдохнуть на берегу, а потом понемногу собрались и длинной вереницей ушли к Гаване. Остался лишь один — полный, можно даже сказать, толстенький бородатый мужчина в красивых сапогах с пряжками, который продолжал мирно посапывать, время от времени смешно всхрапывая.

Надо отметить, что всхрапывал он лишь тогда, когда мальчишки зажимали ему нос. Проделав эту шутку сотню раз и так и не разбудив странного господина, мальчишки принялись

тыкать в него палками. Но даже и эта жестокая забава не сразу привела в чувство усталого толстячка. Наконец он все же очнулся, с некоторым удивлением посмотрел на клонящееся к западу солнце и сладко потянулся.

— Простите, мсье, а как называется это местечко? — спросил он у босоногих шалунов по-французски, но добился лишь взрыва хохота. Он пошарил по земле рукой, видимо в поисках шляпы, не нашел и задумчиво поскреб редкую шевелюру, а потом повторил вопрос на английском и испанском: — Как называется ваша деревня?

Надо полагать, ему и в голову не приходило, что иногда местечко не называется никак. Хотя бы потому, что никому никогда не нужно туда попасть. Крякнув, бородач поднялся и осмотрелся. Отсутствие товарищей по несчастью его не столько расстроило, сколько удивило. Используя все три языка, он попытался выведать у мальчишек, куда же подевались капитан и команда. Спустя не меньше получаса, когда сорванцы устали хохотать над его выговором, вожак наконец ответил ему по-испански. Тут уж толстячку пришлось постараться, чтобы разобрать необычно произносимые слова.

— Ваш капитан, сеньор, пешком ушел к Гаване, искать себе новый корабль! — заявил белобрысый, дочерна загорелый паренек. — И пусть меня скормят акулам, если он его получит. Команда во всем винит его, а если учесть, что он утопил груз из Кастилии... Я бы на его месте подался к буканьерам или нанялся на первый попавшийся корабль, хоть бы и простым матросом. Я именно так однажды и сделаю, сеньор! Я уплыву отсюда, и пусть бродячие псы сожрут каждого, кто думает иначе! А потом мы отправимся грабить рудники, захватим там корабль, и я стану капитаном!

С вожаком немедленно заспорил один из его товарищей, крепкий курчавый мулат. Предметом спора, насколько понял бородач, была капитанская должность, потому что мулат тоже претендовал на нее после ограбления испанских рудников и захвата корабля. Спор плавно перешел в драку, и к заморскому гостю интерес временно был потерян. Горестно вздыхая, оставшийся один в незнакомой стране путник побродил вокруг в поисках шляпы и камзола, который он повесил на ветки куста после некоторой чистки, прежде чем уснуть. Камзола не было, и что-то подсказывало ему, что спрашивать о его судьбе не имеет смысла. Между тем от деревни, представлявшей из себя десяток грубо сколоченных хижин, приближался высокий, широкоплечий босой мужчина с весьма зверским выражением лица.

— Приветствую вас, сеньор! — как можно дружелюбнее обратился к нему толстячок. — Мое имя — Никола Фламель, я являюсь подданным французской короны. Не угодно ли вам будет сообщить мне, достойный сеньор, где я нахожусь?

«Достойный сеньор», сдвинув на затылок старую соломенную шляпу, сверху вниз рассматривал Фламеля. В глазах его светилось нескрываемое презрение, кулаки были сжаты, а плечи чуть подергивались, будто бы сеньор размышлял, с какой руки лучше врезать гостю в ухо. Думалось ему с трудом, и сеньор не сдержал тяжелого вздоха, при этом обдав Фламеля таким перегаром, что француз отшатнулся.

— Ну хорошо, — печально кивнул Фламель, — хорошо. Капитан и команда меня бросили, прихватив камзол и все, что было в карманах. А деревня эта, видимо, никак не называется. Жизнь ведь на этом не кончается, верно? Скажите хоть, могу

ли я рассчитывать на скромный завтрак? Я обещаю, что расплачусь, как только доберусь до губернатора.

Верзила снова вздохнул, вынудив Фламелья отступить еще на шаг.

— Вы мне не доверяете? — печально предположил он. — Что ж, тогда знайте: я мог бы добыть золото вот прямо сейчас. Однако, сеньор, мне понадобится хотя бы немного красной ртути. Не подскажете ли, где я могу ее одолжить?

К молчаливому собеседнику Фламелья подошли еще двое: трясущийся старик с лицом, густо покрытым оспинами, и молодой парень с обломком весла в руке. Оба смотрели на сапоги француза, совершенно игнорируя его слова.

— Или хотя бы обычной ртути... — совсем тихо произнес Фламель. — Я понимаю. Раз так, пойду хотя бы умоюсь.

Он снял сапоги, засучил грязные штаны и отправился к ручью. Старик и юноша молча посмотрели на верзилу. Тот проводил Фламелья почти благоговейным взглядом и отчетливо произнес:

— Дурачок!

— Сомнительно мне это, Каспаро! — заговорил старик. Во рту его виднелось лишь несколько зубов. — По всему видать, образованный. Смотри, какие ноги белые! Глаза режет. Из благородных он.

— Дурачок, — упрямо повторил Каспаро.

— И правда, дед, — поддержал его молодой, — какой же он благородный, если его тут бросили? Такой никому не нужен, потому что идиот.

Каспаро взял один сапог и с восхищением рассмотрел пряжки. Его огромная лапища, привыкшая к свободе, отчаянно

сопротивлялась, когда хозяин вколачивал ее внутрь, но Каспаро был упрям и все же натянул обновку.

— Пойду покажу Маргарите! — сообщил он товарищам и захромал к хижинам со вторым сапогом в руке. — А этого не трогайте, он дурачок!

Старик сплюнул на песок и отправился вслед за Каспаро. Парень еще постоял минуту, рассматривая замечательно белые ноги Фламеля. Но потом и он, рассеянно выронив оружие, пошел к хижинам, лениво загребая песок ногами. Там, среди пыльных огородов и шумных женщин, тощих кур и драных рыбацких сетей, лениво протекала его жизнь. Все могло измениться в один миг, как часто случается на Карибах. Может, спрятавшимся от непогоды охотникам-буканьерам понадобился бы человек взамен погибшего товарища, а может, по побережью прошел бы слух об удачливом капитане, срочно набирающем команду... Каждый рыбак мог покинуть деревню в любой момент, и ему даже не приходилось собираться. Но, как правило, долгими месяцами не происходило ровным счетом ничего, а до Гаваны, столицы Вест-Индии, казалось так далеко... Безымянная деревушка, как и многие такие же, дремала в ожидании чуда.

Фламель закончил плескаться и, морщась от боли в подошвах, вернулся на горячий песок. Внимательный наблюдатель отметил бы, что отсутствие сапог «дурачка» ничуть не удивило. Более того, борода его была будто бы нарочно смешно всклокочена, а губы словно репетировали глупую улыбку.

— Что ж, мсье Никола, крепкий сон всегда был и твоей силой, и твоей слабостью, — пробормотал он сквозь зубы. — Однако кто же мог предположить кораблекрушение? Мне сказали, что капитан совершенно надежен и уже в третий раз идет

к Гаване. Теперь все потеряно, средств нет. Да что средства, во всей Вест-Индии, скорее всего, нет даже капли красной ртути! Ах, если бы поскорее найти орихалк...

Вздыхнув, француз отправился бродить по деревушке — ничего иного не оставалось, потому что уже наступал вечер. Он прошел мимо равнодушных женщин, сидевших на каких-то ящиках, мимо старого седого негра, сосредоточенно мастерившего что-то из обрывка паруса, и решительно ни в ком не вызвал ни малейшего интереса. Это Фламеля даже успокоило, но не успел он облегченно вздохнуть, как оказался атакован стаей бродячих псов. Во всех странах мира собаки не любят чужаков, такова собачья природа: все вокруг, по их мнению, должно оставаться привычным и незыблемым, жизнь должна идти своим чередом, и каждый должен заниматься своим делом. Любые перемены тревожат и нервируют собак. Безоружный Фламель, испуганно озираясь, медленно отступал перед наседавшим на него вожаком, больше всего опасаясь за свои незащитные ноги. Но помощь не заставила себя долго ждать: на лай примчались мальчишки и отогнали собак, что-то крича им на своем чудном диалекте. Француз сумел разобрать лишь что-то вроде «дурачок Фламель».

— Поздравляю вас с новым титулом, мсье! — проворчал он, возвращаясь к ручью. — По-всякому вас величали... И жуликом, и даже убийцей, но дурачком — в первый раз!

Когда стемнело, кто-то разжег костер на берегу. Скучающий Фламель осторожно подошел и обнаружил у огня почти все мужское население деревушки, включая мальчишек и даже псов. Он осторожно присел с краю, и в ноздри ему ударил запах варившихся в старом котелке креветок. Французу эта еда

не нравилась, он не находил в ней ни утонченности, ни хоть какого-то вкуса, но не мог отрицать определенной питательности. Тем более, его желудок после перенесенных бедствий явно утонченностью не интересовался и требовательно урчал, как голодный кот.

И все же попрошайничать не годилось. Фламелью пришлось сесть и терпеливо ждать возможности присоединиться к трапезе.

У костра говорили о новостях. Удивительным образом все, что происходило в Карибском море, становилось немедленно известно в самых отдаленных уголках. Правда, стремительно переносясь от острова к острову и от колонии к колонии, новости по пути обрастали удивительными и разнообразными подробностями. Оттого случай, произошедший с капитаном Гомешем в Панаме, на Эспаньоле пересказывали так, что очевидец решил бы, что речь идет о совершенно другой истории. Иначе это сказание звучало на Барбадосе, совсем по-другому — на Тортуге, а во Флориде и имя капитана сменилось на Ван Дер Вельде. Таким образом, каждое приключение пиратских капитанов, этих эпических героев Карибов, порождало целую серию легенд. Но каждая такая сказка была основана на событии вполне реальном, это знали все и поэтому ни капли не сомневались в искренности рассказчика.

Несведущий в подобных особенностях жизни Вест-Индии, мсье Фламель весь превратился в слух. Он был далеко не глуп, несмотря на новое прозвище, и понимал, что отныне сам — часть Карибов, и, возможно, надолго. А раз так, не следует отмахиваться даже от самых диких слухов, потому что любое знание ценно и порой даже какая-нибудь мелочь может поправить положение и вернуть все, что потеряно.